

Инь Чжоу не заглядывал в Weibo. Весь остаток дня он провел на съемочной площадке: вчитывался в сценарий, прогонял сцены с партнерами и работал перед камерой.

Сяо Ян же по привычке листала ленту новостей и наткнулась на тот самый хэштег — #Их-атмосфера#. Сначала ассистентка не на шутку испугалась: как их успели снять? Почему фото попало в сеть? Разве режиссёр Линь не запретил любые съемки?

Однако, пробежав глазами комментарии, девушка успокоилась. Как человек, уже немного знакомый с изнанкой шоу-бизнеса, она понимала: такие вещи редко случаются сами по себе. Один-единственный кадр очень легко интерпретировать превратно, и без грамотного контроля со стороны пиарщиков общественное мнение могло качнуть в самую непредсказуемую сторону. На фото у обоих были, мягко говоря, недовольные лица. Если бы его выложил кто-то из персонала с язвительным комментарием, репутации артистов мог быть нанесен серьезный ущерб.

Но когда пост сопровождается красивым текстом о «рабочих моментах» и «химии персонажей», восприятие аудитории меняется кардинально. Именно это Сяо Ян и наблюдала сейчас. Она вспомнила, как еще до её устройства на работу старые снимки Инь Чжоу, сделанные папарацци, обрастали самыми дикими слухами. И никого не волновало, что в этих сплетнях не было ни грамма логики — толпе просто хотелось зрелищ.

Поняв, что за вбросом стоят профессионалы, девушка расслабилась и с интересом принялась изучать ветки обсуждений. Наткнувшись на комментарий про «генерала и его первую жену», она не удержалась и поставила лайк.

— Брат Чжоу, ты снова в трендах!

Инь Чжоу в этот момент изучал сценарий. Постепенно буквы начали расплываться, а веки — тяжелеть. Голос Сяо Ян заставил его вздрогнуть и вынырнуть из полудремы. Он широко зевнул и спросил:

— Что еще за тренды? Я вроде не делал сегодня ничего такого, что могло бы заинтересовать публику.

Заметив его состояние, помощница обеспокоенно спросила:

— Ты устал, брат Чжоу?

Актер хотел было потереть глаза, но вовремя вспомнил про грим и опустил руку.

— Есть немного. Наверное, сказывается послеобеденное время.

Он замолчал, чувствуя, что дело не в обычной усталости. По идее, он не должен был так клевать носом: всего лишь второй день съемок, вокруг столько новых людей, знакомств, работа кипит... Но эта сонливость была физиологической. Она не была непреодолимой, но стоило ему на мгновение расслабиться, как сознание начинало туманиться. К счастью, работе это пока не мешало.

Он осторожно коснулся пальцами железы на затылке. Кожа там немного зудела, а феромоны, казалось, начали едва заметно вибрировать. Юношу охватило странное чувство апатии. Ощущения напоминали те, что он испытал утром, только в гораздо более легкой форме.

«Неужели это из-за феромонов? — промелькнула догадка. — Очередной симптом моего синдрома расстройства феромонов?»

Поразмыслив, он обратился к ассистентке:

— Те конфеты, что я тебе отдавал... Ты взяла их с собой?

— Конечно! Хочешь одну?

Инь Чжоу кивнул. Выбрав из пачки самую кислую, он развернул фантик и отправил леденец в рот. Лицо его тут же осветилось улыбкой.

— Отлично. Сразу взбодрило. Ты тоже возьми, не стесняйся.

Сяо Ян последовала его совету и с любопытством спросила:

— Не знала, что ты любишь сладости. Всегда носишь их с собой?

Принято было считать, что к сладкому больше тяготеют Омегы, хотя юноша понимал, что это не более чем глупый стереотип.

— У меня нет к ним особой страсти, — ответил он. — Просто привычка.

Эта привычка тянулась из прошлой жизни: из-за низкого сахара в крови он несколько раз падал в обморок, поэтому приучил себя всегда иметь под рукой пару конфет на всякий случай.

— Давай я покажу тебе твой хэштег, — предложила Сяо Ян. — Это точно поможет тебе проснуться!

— Давай.

Девушка протянула ему смартфон. Увидев их совместное фото с Гу Цинсю, Инь Чжоу иронично изогнул бровь:

— Надо же, всё-таки успели подловить.

— И всем очень нравится! — радостно добавила Сяо Ян. — Пишут, что между вами невероятная атмосфера.

«Атмосфера...»

Инь Чжоу усмехнулся про себя. Знай эти люди, что происходило на самом деле, их восторги мигом бы поутихли.

Он продолжал лениво листать ленту, пока не наткнулся на пост с явным негативным подтекстом, помеченный особым тегом. Инь Чжоу вышел в общий список популярных тем и обнаружил там хэштег, направленный против него. Внутри было полно однотипных комментариев от явно заплаченных ботов — классический «черный пиар».

Актер лишь усмехнулся, не придав этому значения. Сяо Ян же поспешила забрать телефон:

— Брат Чжоу, не смотри это. Только настроение перед съемками портить.

— Пустяки, — отозвался он. — Этим «сенсациям» уже сто лет в обед, меня они не трогают.

Сяо Ян видела, что он действительно не расстроен, но сама не на шутку разозлилась:

— У тебя железные нервы! Мне больно это читать. Ведь всё — откровенная ложь, выдумки от первого до последнего слова, а люди всё равно верят.

Несмотря на то, что компромат был старым, те, кто заказал травлю, подошли к делу основательно, разбавив его «свежими» вбросами. Вскоре под купленным хэштегом собралась целая толпа хейтеров. Они переключались и в ветку с «атмосферным» фото, отравляя своим присутствием уютное обсуждение фанатов. Ассистентка наблюдала, как под безобидным постом разгорается настоящая война между анти-фанатами и поклонниками артистов.

[Ой, да не смешите меня! — писали одни. — Кто-то слишком увлекся сочинительством. Очевидно же, что Инь Чжоу сам проплатил этот вброс, чтобы погреться в лучах славы Гу Цинсю. Неужели фанаты Гу такие наивные, что ведутся на это?]

[Съемки только начались, а он уже пустил в ход свои грязные методы. Неужели он не боится, что Гу Цинсю придется несколько месяцев терпеть, как тот присасывается к его славе?]

[Картинка красивая, но таланта Инь Чжоу это не прибавит. Сейчас вы его до небес возносите, а после премьеры будете локти кусать. Фанатам первоисточника тоже советую поберечь слезы — ваш любимый персонаж обречен, раз его играет этот бездарь. И всё потому, что вы не добились его замены!]

[У Жо Линя и внешность, и талант, а на роль взяли этого истукана. Для меня Инь Чжоу — пустое место. Вот увидите, он загубит такой масштабный проект...]

...

[О, кажется, крыса выдала себя! — парировали другие. — Сразу видно фанатиков Жо Линя. Притворяетесь «объективными критиками», а сами просто желчью исходите. Успокойтесь уже: съемки идут, и никто вашего «гения» на роль не позовет!]

[Идите к черту! Не смейте гадить там, где люди просто радуются красивым кадрам!]

— Как же это раздражает! — воскликнула Сяо Ян. — Брат Чжоу, тебя явно кто-то заказал. Стоило тебе попасть в тренды с чем-то хорошим, как тут же вылили ушат грязи.

Инь Чжоу относился к этому философски:

— Ничего удивительного. Я пока не актер уровня Гу Цинсю... точнее, «пока» — ключевое слово. Мои работы еще не вышли на экраны. Когда за плечами будет пара-тройка стоящих ролей, ярлык «красивой пустышки» отпадет сам собой. А хайп... Без скандалов не бывает популярности. Мне и так грех жаловаться: у меня есть имя и влияние, раз мне доверили роль Ло Цяня.

Сяо Ян слушала его, затаив дыхание. Она не ожидала от него такой мудрости и душевного спокойствия. Даже её собственный гнев начал утихать. Вспомнив, как днем Инь Чжоу, преодолевая отвращение, целых полчаса держал коллегу за руку ради общего дела, она почувствовала прилив нежности к своему подопечному.

— Брат Чжоу, ты обязательно станешь звездой! — искренне произнесла она. — Эта роль заставит всех замолчать и признать твой талант!

Инь Чжоу обернулся и тепло улыбнулся:

— Спасибо. Надеюсь, твои слова станут пророческими.

Сяо Ян смущенно опустила глаза, чувствуя, как краснеют уши, и снова уткнулась в телефон. Инь Чжоу же, окончательно прогнав остатки сна, с новыми силами вернулся к работе.

К концу смены сонливость бесследно исчезла, и он совсем позабыл об этом странном эпизоде. Вспомнив, что обещал угостить Гу Цинсю ужином, Инь Чжоу написал ему в WeChat. Ответа не последовало — видимо, тот еще не освободился. Тогда юноша решил лично заглянуть к напарнику.

У Гу Цинсю, как у исполнителя главной роли, была отдельная гримерка — тесниться в общем зале было бы ниже его статуса. Когда Инь Чжоу подошел, дверь была приоткрыта. Внутри было многолюдно: визажист убирала инструменты, стилист возилась с париками, а ассистенты упаковывали костюмы.

Юноша заглянул внутрь, и его тут же заметили. Визажистка расплылась в улыбке:

— Учитель Инь пришел! Вы к Учителю Гу?

Все присутствующие мгновенно обернулись. Они уже видели дневное фото и, несмотря на годы работы со звездами, не могли остаться равнодушными — слишком уж красивой была эта пара.

— Да, он у себя?

— Он переодевается, — ответила одна из девушек, кивнув на ширму. — Сейчас выйдет.

Инь Чжоу хотел подождать в коридоре, чтобы не мешать, но Ши Инь приветливо помахала ему рукой:

— Учитель Инь, заходите, присаживайтесь!

Он не стал отказываться и, жестом позвав за собой Сяо Ян, вошел внутрь. Гримерка была просторной, и даже при таком количестве людей в ней не было тесно. Кто-то из персонала попытался завязать разговор, и гость охотно поддержал беседу.

Рабочий день подходил к концу, у всех было приподнятое настроение. Инь Чжоу оказался удивительно легким в общении: он много улыбался и шутил, быстро расположив к себе присутствующих. Вскоре в помещении то и дело слышался звонкий смех.

Именно эту картину застал вышедший из-за ширмы Гу Цинсю: Инь Чжоу сидел на диване, скромно прижав колени друг к другу, и что-то оживленно рассказывал, очаровывая персонал своей открытой улыбкой.

Он был по-настоящему хорош собой. У него был тот тип внешности, который так нравится девушкам: утонченные черты лица, мягкие пряди волос, спадающие на лоб и скрывающие резкую линию бровей. В этот момент юноша совсем не походил на сурового Альфу — скорее, на того самого всеобщего любимца-Омегу из фанатских грез.

Гу Цинсю отметил, как мягко и тактично напарник общается с женщинами. Его высокий эмоциональный интеллект позволял находить подход к каждому, заставляя людей искренне радоваться его обществу.

Он вел себя совсем не так, как наедине с ним. Мужчина невольно поджал губы.

«Какая избирательная любезность».

Заметив появление хозяина гримерки, кто-то воскликнул:

— Учитель Гу вышел! Учитель Гу, Учитель Инь пришел за вами — вы же собирались поужинать вместе.

Инь Чжоу поднял голову. Гу Цинсю вежливо кивнул присутствующим, его лицо смягчилось, а голос зазвучал мягко и глубоко:

— Да, я помню. Спасибо всем, вы сегодня отлично потрудились.

Он успел сменить исторический костюм на повседневную одежду — простой темный комплект в спортивном стиле. На Альфе этот наряд смотрелся безупречно: мягкая ткань не облегла тело, но подчеркивала мощный разворот плеч. Тяжелые складки ткани едва заметно подрагивали при каждом движении, на миг обрисовывая рельеф грудных мышц. В этом образе — расслабленном и в то же время исполненном скрытой силы — было столько мужского обаяния, что он невольно приковывал взгляд. Сексуальность и властная аура ощущались в каждом его жесте, но без тени вульгарности или бахвальства.

Такой мужчина в любом помещении мгновенно становился центром притяжения. Стоило ему повернуться, как окружающие невольно замирали. Из-за высокого роста ему приходилось чуть склонять голову, обращаясь к людям, и когда его взгляд останавливался на ком-то, у человека возникало чувство, что его благодарят искренне и лично.

Девушки, не в силах оторвать глаз от его атлетической фигуры, смущенно замахали руками:

— Что вы, Учитель Гу, это наша работа! Вам куда тяжелее пришлось — весь день в тяжелых доспехах на такой жаре...

«Надо же, как он умеет», — хмыкнул про себя Инь Чжоу. Его взгляд скользнул по фигуре собеседника: от груди к рукам и ниже, к запястьям.

Внезапно он услышал свое имя:

— Инь Чжоу.

Он вздрогнул. Ему стало немного не по себе от того, как Гу Цинсю произнес его имя при свидетелях: голос звучал непривычно нежно, с легкой вопросительной интонацией. Обычно тот говорил с ним сухо, сквозь зубы, едва сдерживая раздражение.

Юноша всегда признавал, что у этого человека потрясающий голос — он отметил это еще в баре Вэнь Чжу, когда слушал его интервью. Просто их знакомство началось с череды нелепых столкновений и взаимных обид.

Вся эта ситуация была до смешного нелепой: после всего, что между ними произошло, Учитель Гу сам рекомендовал его на роль, и теперь им предстояло не просто работать вместе, но и играть весьма интимные сцены. Подавив странное чувство неловкости, Инь Чжоу ответил своей самой лучезарной улыбкой:

— Учитель Гу.

— Пойдем? Пора ужинать, — Гу Цинсю заговорил с ним так, словно они были старыми добрыми друзьями.

Инь Чжоу поднялся и вежливо попрощался с персоналом. Ширма находилась прямо у входа, и Учитель Гу придержал дверь, пропуская его вперед, а затем вышел следом.

— Куда хочешь пойти? — до гримерки еще доносились обрывки их разговора.

— Мне всё равно. А у тебя есть идеи? — спросил актер.

— Ох, только не заставляй меня выбирать. Я всегда мучаюсь, когда приходится решать, что съесть на ужин.

— Тогда пойдем туда, где готовит шеф-повар. Что принесут, то и съедим.

— Хорошая мысль. Может, в тот ресторан домашней кухни? Там был потрясающий крабовый суп — такой вкусный, что язык можно проглотить.

— Да, согласен. Режиссёр Линь знает толк в хороших местах.

Сотрудники гримерки смотрели им вслед, слушая их непринужденный спор о еде, и невольно вспоминали дневную фотографию. Там они казались несовместимыми крайностями: раздраженными, холодными, невыносимыми друг для друга, но скованными одной цепью. В реальности же всё было иначе.

Они были как две противоположности: один — вечно в движении, другой — сама невозмутимость; один — болтливый, другой — немногословный. Между их плечами оставалось

пространство шириной в ладонь, и при ходьбе они то сближались, то отдалялись, так и не соприкасаясь.

Словно два магнита с одинаковыми полюсами.

Инь Чжоу и Гу Цинсю отпустили ассистентов отдыхать. Старший коллега сам сел за руль, и они отправились в тот самый ресторан, где недавно обедали с режиссёром. Путь предстоял неблизкий — около получаса езды. Сидя в салоне автомобиля, оба невольно вспомнили их прошлую поездку, но по негласному соглашению решили об этом не упоминать.

Инь Чжоу вытащил из кармана пригоршню конфет, которые прихватил со съёмок. Услышав шуршание фантиков, водитель покосился на него:

— Решил наесться сладкого перед самым ужином?

Юноша покачал головой:

— Нет. Я просто проголодался, а если съем конфету сейчас, то за ужином съем меньше.

Гу Цинсю: «...»

Логика была, мягко говоря, своеобразной. Инь Чжоу со всей вежливостью предложил:

— Хочешь тоже? Проверенный метод: съел сладенького — меньше места для тяжелой еды. Отличный способ держать себя в форме.

— ...Спасибо, откажусь.

При упоминании формы Инь Чжоу невольно зацепился взглядом за его грудь.

— Кстати, ты в отличной форме. Часто пропадаешь в зале?

Гу Цинсю уловил его двусмысленный взгляд. Его пальцы на руле чуть напряглись.

— Не часто.

— Ого! И без регулярных тренировок такое тело? — Юноша принялся бесцеремонно разглядывать его фигуру. Альфе даже стало интересно, что тот надеется рассмотреть в

сидячем положении.

— Обычно я слишком занят, — ответил он. — Но в свободное время стараюсь не сидеть на месте.

— И чем же ты занимаешься? — полюбопытствовал Инь Чжоу.

— Дайвинг, лыжи, скалолазание...

— А-а, ну тогда понятно. От такого экстрима мускулатура и впрямь будет что надо. К тому же у тебя полно боевых сцен.

Юноша задумчиво потер подбородок, переведя взгляд на его руки.

В тесном салоне возникло ощущение какой-то интимной близости. Кроме них двоих — никого, и в таком замкнутом пространстве каждое движение, каждый взгляд или слово воспринимались особенно остро. Даже не глядя на напарника, Гу Цинсю физически ощущал его пристальный взгляд, от которого некуда было скрыться. Инь Чжоу, похоже, совершенно не заботило, что его внимание может отвлекать водителя.

Мужчина почувствовал себя выставленным на витрину товаром, который оценивают перед покупкой.

— Ты действительно хочешь обсуждать физические достоинства другого Альфы?

Инь Чжоу искренне удивился:

— А почему нет? Ты что, в себе не уверен? Если Альфам нельзя обсуждать форму друг друга, то с кем тогда? С Омегами? Или с Бетами? По-моему, это было бы куда более странно. Учитель Гу, ты какой-то мнительный.

От былого дружелюбия, которое он демонстрировал в примерке, не осталось и следа. Его язык снова стал острым и колючим.

Гу Цинсю: «...»

Дело было не в мнительности и не в физической форме. Дело было в самом Инь Чжоу!

Он уже открыл рот, чтобы ответить, но юноша вдруг стал серьезным:

— Впрочем, я знаю, что ты не из таких. Просто сорвалось с языка, верно? Я просто хотел

узнать секрет твоего телосложения. Это ведь не запрещено?

Гу Цинсю понимал, что его снова нагло провоцируют. Видимо, кто-то возомнил себя слишком смелым. Но он не рассердился. Бросив на партнера короткий взгляд, он решил поддержать игру:

— Нет, секретов я не выдаю.

Как и ожидалось, Инь Чжоу тут же парировал:

— Ну же, Учитель Гу. Альфа не должен говорить «нет» таким просьбам.

Собеседник остался невозмутим:

— Мне всё равно. Захочу — скажу, захочу — промолчу.

Инь Чжоу усмехнулся:

«Интересно».

— Что ж, мне нравится твоя прямота.

— Благодарю. Ты чем-то недоволен в себе?

— С собой я вполне доволен, но у тебя форма объективно лучше. Человеку свойственно стремиться к совершенству. И даже если у тебя самого чего-то нет, посмотреть на это — уже удовольствие. Ты хоть представляешь, сколько девушек заглядываются на твои мышцы? Да они в мыслях уже тебя всю ошупывают, — юноша ехидно прищурился.

Гу Цинсю, заметив впереди красный свет, плавно затормозил. Он решил сбить этот наглый ритм их перепалки.

— Вот как? — спросил он.

— Конечно. Неужели ты мне не веришь?

— Верю.

Мужчина медленно убрал правую руку с руля. Его ладонь скользнула по кожаной обшивке с характерным тихим шорохом, который в тишине салона прозвучал неожиданно громко.

В этом неторопливом жесте было что-то томительное, будоражащее. Инь Чжоу невольно проследил за движением. Правая рука мужчины легла на подлокотник, и он чуть развернулся к спутнику. Взгляд юноши сам собой переместился выше, изучая его плечи и грудь.

Альфа ровно дышал, его грудная клетка едва заметно вздымалась, а взгляд стал глубоким и непроницаемым.

— Похоже, тебе и самому не терпится. Тоже хочешь потрогать?

Юноша замер.

«Неужели Гу Цинсю действительно это сказал?»

На мгновение он даже лишился дара речи. Затем он чуть склонил голову набок и с легкой, многозначительной улыбкой спросил:

— Такая невиданная щедрость?

Гу Цинсю оперся левой рукой о руль, фактически открываясь перед ним. Безмолвное приглашение.

Сердце Инь Чжоу пропустило удар.

«Раз уж ты сам предлагаешь, неужели я испугаюсь?»

Он медленно выпрямился:

— Только потом не обвиняй меня в домогательствах.

Мужчина промолчал, но в его глазах читался явный вызов. В машине воцарилась тишина. Ситуация зашла так далеко, что отступить было поздно. Протягивая руку, Инь Чжоу лихорадочно соображал: «В конце концов, это просто дурацкий спор. Коснусь плеча — и дело с концом. Не буду же я, Альфа, всерьез лапать грудь другого Альфы?»

Он любил подразнить других, но обычно всё ограничивалось только словами. Однако речь шла именно о грудных мышцах, и если он коснется руки, это будет выглядеть как признание поражения...

В итоге юноша всё же протянул руку к груди Гу Цинсю и церемонно коснулся её кончиками трех пальцев. Не удержавшись от очередной шпильки, он добавил:

— Не думал, что Учитель Гу такой затейник...

Он не успел договорить: напарник внезапно перехватил его запястье и с силой прижал всю его ладонь к своей груди. Инь Чжоу опешил, невольно подавшись вперед.

Гу Цинсю иронично приподнял бровь:

— И что это было? Ты меня пощекотать решил?

— ...

Честно говоря, за обе жизни и годы съемок Инь Чжоу ни разу не доводилось вот так касаться груди другого мужчины. Мышцы собеседника были упругими и твердыми, под ладонью ощущалась их скрытая мощь. И хотя у него самого тело было не хуже, контакт с чужой плотью вызвал у него странное, ни на что не похожее чувство.

Он поднял глаза. Гу Цинсю смотрел на него сверху вниз, и взгляд его был абсолютно спокоен. Юноша с трудом сглотнул:

— Знаешь, со стороны это выглядит так, будто мы решили завести АА-любовь.

— Да? А мне казалось, мы просто следуем указаниям режиссёра Линя и привыкаем к физическому контакту. Ты ведь сам днем звал меня к себе в номер вечером? Можно начать и в машине.

Инь Чжоу: «...»

Он сам загнал себя в эту ловушку, и крыть было нечем. Но он не привык пасовать перед трудностями.

«Так одежда-то всё равно на месте», — слова уже готовы были сорваться с его губ.

Однако Гу Цинсю опередил его:

— Хочешь залезть под одежду?

Инь Чжоу: «...»

Раньше их стычки были чисто словесными. Неужели Гу Цинсю решил сменить тактику и бить его же оружием?

<http://bllate.org/book/15873/1441906>